The University of Osaka
Institutional Knowledge Archive

| | |
|---|---|
| Title | Лингвокультурологический анализ некоторых особенностей одушевления природы в русском языке |
| Author(s) | Shchepetunina, Marina |
| Citation | 外国語教育のフロンティア. 2018, 1, p. 119-133 |
| Version Type | VoR |
| URL | https://doi.org/10.18910/69784 |
| rights | |
| Note | |

*The University of Osaka Institutional Knowledge Archive : OUKA*

https://ir.library.osaka-u.ac.jp/

The University of Osaka

# Лингвокультурологический анализ некоторых особенностей одушевления природы в русском языке

## ロシア語における自然の擬人化について
### ― 言語学的なアプローチ ―

SHCHEPETUNINA, Marina

**要約**

現代ロシア語の言語文化的な世界観に含まれるロシア文化の特徴には、異なる時代に生成された概念があると考える。本稿は言語において神話的思想に由来する表現や話法を研究対象とし、その形態の考察を行い、文化的なコンテクストに対照する。

慣用句や言い回しには、伝統文化、儀式や信仰に根付いた祭りに由来するものもある。また、自然の現象に神霊が宿ると考えたり、太陽・月・風など自然現象を生き物に見立てたりするのはアニミズムの特徴であったが、こういった発想は現代のロシア語にも残っている。例えば、「楽しいことがあれば、つらいこともある」と意味する *ne vsyo kotu Maslenitsa, biwaet i Velikii post*「猫はいつまでも謝肉祭を楽しむわけにはいかない、大斉期もあるから」という慣用句には、スラブ民族の多神教に由来する美味おいしいものを食べて楽しむ祭りであるマスレニツァ (謝肉祭) が、キリスト教の大斉期に対照されている。さらに、ロシアのおとぎ話をはじめ、ロシア古代文学、古典文学および現代の詩や歌には、人間は太陽や月などの自然現象と会話し、それらの現象は人間とまったく同じような行為をする話しもある。これらの話しには、太陽や月が人間の主人公に直接に会話をする例もある。さらに、風は「神様以外に恐れるものがない」(*ne boishsya nikogo, krome boga samogo*)、「花はお情けで気落ちした」(*tveti unili ot zhalosti*) のような文学からの用例のように自然に「恐れる」(*boyatsya*)、「情ける」(*zhalet*)、「気落ちする」(*univat*) のような人間の感情を表す言葉が自然の現象に使用されて、自然は人間と同じように行動して気持ちを表し意志を持つものとして理解されている場合が珍しくない。こういった古代思想・神話思想にさかのぼる言語文化的世界観は、キリスト教による多信仰に対する圧迫、それに続いてソ連時代の反宗教の政策にもかかわらずフォークロアおよび言語に存残する。本稿ではその経緯をダイクロイック的に考察し、ロシア語における自然の擬人化を歴史文化的なコンテクストに乗せてロシア語文化学的な世界観の一部として取り扱う。

言語文化学的なアプローチによって、学習者はロシア語における自然の擬人化を文化世界観の一部として理解し、自然現象に使用される語彙･話法は学習しやすくなると考える。

キーワード：自然の擬人化、言語文化的な世界観、ロシアフォークロア、ロシア文学、神話的思想

Современная языковая картина мира русского языка отображает разные периоды культурно-исторического развития. В данной работе мы ставим вопрос о том, как в языке сохраняются элементы мифологического мировоззрения, которые в русском языке отражены в пословицах и поговорках, крылатых выражениях, восходящих к языческим обрядам, в персонификации природы. Например, пословица «не все коту Масленица, бывает и Великий пост», противопоставляет образ языческого праздника Масленица и христианский Великий пост. В русских сказках, а далее в древнерусской, в классической литературе, а также в современных стихах и песнях человек разговаривает с солнцем, ветром, другими природными явлениями. В течение длительного периода русской истории, начиная с принятия христианства на Руси в 988 году и заканчивая советским периодом, наблюдалась борьба с язычеством, тем не менее элементы мифологической картины мира сохранились и присутствуют, в первую очередь, в языке.

Приведем примеры изображения двух картин мира – дореволюционной, с элементами «чудесного», и атеистической советской - в литературе.

(1) « У Лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;....»

А.С.Пушкин ,«Руслан и Людмила»

(2) «Писатель: ＜ ... ＞ Мир непроходимо скучен, и поэтому нет ни телепатии, ни приведений, ни летающих тарелок....ничего этого быть не может. Мир управляется чугунными законами, и это невыносимо скучно. И законы эти – увы! – не нарушаются. Они не умеют нарушаться.
＜....＞ Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а бэ це, который равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим. ＜ ..... ＞ Вот в средние века было интересно – в каждом порядочном доме жил домовой, в каждой церкви бог.»

Стругацкий А.Н. и др. 1979. «Сталкер. Литературная запись кинофильма»

Несмотря на вековые гонения церкви и атеистическую пропаганду коммунистического строя, элементы мифологической картины мира продолжают существовать и как языковые явления, и как обряды и культы, создавая единую лингвокультуру. В данной работе автор исследует некоторые особенности одушевления природы в русском языке как часть языковой картины мира, имеющей архаичные черты, порожденные мифологическим сознанием.

Наговицин А.Е. в работе «Древние цивилизации: общая теория мифа»(2005) рассматривает историю человеческой мысли как проходящую 3 этапа: мифологического, религиозного и научного мышления, отмечая при этом, что ни один из этих типов мышления в чистом виде в обществе не присутствует, и развитие частично идет по кумулятивному принципу. Иными словами, помимо социально-идеологических причин, для сохранения древних верований и ритуалов у мировых религий была также и философская основа, заключающаяся в некоем их мифологическом базисе.

На Руси, после принятия христианства в 988 году, церковь старалась искоренить языческие верования. Апокриф «Вопросы Иоанна Богослова на горе Фаворской» называет язычество самым страшным и непрощаемым смертным грехом (Мильков 1999). В советский период любая религиозная деятельность подвергалась гонениям со стороны партии и государства. Таким образом, социально-идеологических причин для сохранения языческих элементов не было, скорее, главная причина заключалась в некоем мифологическом базисе. В данной работе мы постараемся проанализировать, как и за счет чего сохранялись древние ритуалы и верования, связанные с мифологией, которые поддерживали языковую картину мира, где природные явления могут разговаривать с человеком, а дождь «идти».

**1. Что такое мифологическое сознание**

По А.Ф. Лосеву (1991) миф – это особый способ осознания и присвоения действительности, который, возникнув при превобытнообщинном строе, сохраняется и работает и сегодня. По аналогичным принципам создаются новые мифы, базирующиеся на вере в чудесность и на образности. Так в качестве примера современного мифотворчества Лосев в своей работе «Диалектика мифа» затрагивает проблемы научной и коммунистической мифологии.

> «Миф – такая диалектически необходимая категория сознания и бытия (1), которая дана как вещественно-жизненная реальность (2) субъект-объектного, структурно выполненного (в определенном образе) взаимообщения (3), где отрешенная от изолированно-абстрактной вещности жизнь (4) символически (5) претворена в до-рефлективно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергийный лик (6).» (Лосев 1991: 74)

Миф в понимании Лосева есть бытие личностное, символическое, и человек творит мифы в разные периоды культурно-исторического развития, но за определенными символами стоят иные явления. Для нашего исследования здесь особенно важна идея чудесности и личностности.

В более узком, конкретном смысле, понимание мифа мы находим у Наговицына (2005), где он указывает, что

> «Мышление человека традиционной культуры обусловлено диалектикой мифа, основано на обожествлении природы и космоса, признанием всех вещей во Вселенной живыми (т.е. личностями ).» (Наговицын 2005: 3)

Для человека «миф был способом влияния индивида и его традиционного общества на окружающую действительность, их системным орудием в познании мира» (Наговицын 2005: 3), что выражалось, в первую очередь, в «назывании» мира, иными словами одушевлении предметов и явлений и наделении их соответствующими божествами, то есть формировании политеизма. Одушевление предметов и явлений природы может закрепляться в языке при помощи концептуальных метафор, таких как «природа живая», и тогда к явлениям природы будет применим пласт лексики, применимый для описания действий и чувств человека; эта же метафора ведет к появлению ряда устойчивых выражений. В следующем параграфе мы рассмотрим некоторые особенности персонификации природы в русском языке на примерах текстов разного периода в диахронном порядке.

## 2. Персонификация природы как пример мифологического мышления

В русском языке в определенных ситуациях природа может мыслиться живым существом, способным создавать, изменять, наделять какими-либо качествами. Согласно «Новейшему философскому словарю», такое видение природы было присуще людям времен господства мифологического сознания (т.е до нашей эры), когда признавалась власть окружающего мира над человеком, а природные явления персонифицировались. Отражено это, в первую очередь, в фольклоре.

### 2.1 Одушевление природы в русском фольклоре

В следующих поговорках и идиомах природа мыслится как нечто живое и обладающее волей. В примерах (3) и (4) природа способна давать и «выдумывать», а в примерах (5) и (6) образ природы отождествляется с образом матери и восходит к культу матери-земли у древних славян.

(3) На выдумку природа таровата

(4) Что природа дала, того мылом не отмоешь

(5) Природа - мать

(6) Вернуться в лоно природы

Теперь обратимся к примерам персонификации природных явлений. В русских сказках, как в примерах (7)- (9), герой может разговаривать с рекой, солнцем, ветром, луной, рекой, с деревьями, отец может отдать свою дочь замуж за солнце или месяц, как в примере (9) из сказки «Солнце, Месяц и Ворон Воронович». Иными словами, природные явления наделяются всеми характеристиками человека, но при этом не теряют присущих только им свойств. Происходит прямой перенос свойств человека на явления природы.

(7) «Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видят — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком.»

Дальше девочка просит о помощи яблоню и печку.

Русская народная сказка «Гуси-лебеди» в обработке А.Н. Толстого

(8) В поисках невесты царевич Елисей обращается к солнцу:

«Свет наш солнышко! Ты ходишь

Круглый год по небу, сводишь

Зиму с теплою весной,

Всех нас видишь под собой.

Аль откажешь мне в ответе?

Не видало ль где на свете

Ты царевны молодой?

Я жених ей». — «Свет ты мой, —

Красно солнце отвечало, —

Я царевны не видало.

Знать ее в живых уж нет.

Разве месяц, мой сосед,

Где-нибудь ее да встретил

Или след ее заметил».

Далее царевич Елисей обращается к месяцу, затем к ветру.

А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»

(9) «Пошел старик собирать [крупу] и говорит:

— Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать, за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!» Так всё и случилось, и старик отдал своих дочерей замуж за Солнце, Месяца и Ворона. Позже собрался он навестить своих дочерей.

«Старик и говорит:

— Идти разве в гости к зятю?

Пошел к Солнышку; вот и пришел.

Солнышко говорит:

— Чем тебя потчевать?

— Я ничего не хочу.» «...»

Из сборника А.Н. Афанасьева «Русские народные сказки»,
сказка «Солнце, Месяц и Ворон Воронович»

В примерах (7) – (9) природные явления – солнце, месяц, река, дерево - разговаривают с героями, помогают им. В примере (7) река может *спрятать, укрыть* героев, в примере (8) солнце *ходит*, всех *видит*, может *отказать* в ответе, *отвечает*. В сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович » (9) солнце становится *зятем* старика, *потчует* гостя. Особенностью сказок является повторение, поэтому, когда герои обращаются к дереву, печке (7), к солнцу и ветру (8), к месяцу и ворону (9), используется практически такая же лексика, как и в первом обращении.

Обобщая примеры (3)-(9), можно выделить следующие особенности персонификации природы в русском фольклоре. Во-первых, это наделение способностью прямого общения с человеком, наделение волей, во-вторых, – использование той же лексики, как и для описания действий и чувств человека. В волшебных сказках, к которым относятся вышеприведенные примеры, могут одушевляться любые предметы или явления. Для нас здесь важен не столько сам факт одушевления, сколько его особенности - прямое обращение героя к явлениям природы, а не к божествам, а также перенос на них действий и чувств человека.

**2.2 Одушевление природы в древнерусской литературе**

Давайте посмотрим, как мыслилась природа в летописном тексте «Слово о полку Игореве» (Лихачёв 2017), написанном в конце XII, по прошествии почти двухсот лет после принятия христианства на Руси. Третья часть «Слова» начинается с плача Ярославны, которая скорбит о гибели войска князя Игоря. Ярославна обращается по очереди к ветру (10), реке Днепр (11) и солнцу (12), повторяя тройственную структуру сказок.

(10) «О Ветер, ветрило, зачем веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих лёгких крыльицах на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, моё веселье по ковылю развеял?»

(11) «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы ладьи до стана Кобяка. Возлелей, Господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слёз на море рано»

(12) «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие лучи свои на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло»

В примерах (10) – (12), мы видим прямое обращение героини к природным явлениям – ветру, реке, солнцу. Ветер, река и солнце не отвечают Ярославне, как это было в сказках, однако она задаёт им вопросы, они наделены волей и являются молчаливыми участниками диалога.

Далее в третьей части «Слова» мы находим:

(13) «Уныли цветы от жалости, и дерево к земле приклонилось»

В примере (13) природа сопереживает человеку, цветы «уныли от жалости», им приписываются способность испытывать чувства человека.

Как мы видим, в древнерусском памятнике сохраняется персонификация природы, она мыслится как субъект действия, обладающий волей, несмотря на то, что христианство принесло с собой новое понимание природы. Словарь Даля (1863) даёт первое значение слова природа как «наш мир, земля, со всем созданным на ней; противополагается Создателю»(17, 439 ). Окружающий мир, природа для средневекового человека – « творение Божье, причем

творение совершенное и прекрасное. Природные вещи трактовались как знаки, смыслом которых являются идеи, вложенные в мир богом » (14, 545). Примером такого понимания природы может служить поговорка (14), в которой гром выступает как знак.

(14) Пока гром не грянет, мужик не перекрестится

В «Слове о полку Игореве» солнечное затмение воспринимается как плохой знак, а в «Сказании о Мамаевом побоище» (15век) Дмитрию светит солнце в знак победы.

Согласно христианской картине мира, природные явления – это творение Бога, выражающие его волю, но, с другой стороны, сохраняется и более архаичное понимание природных явлений и их одушевление. Отношение воли Бога и воли природных явлений очень интересно выражено у Пушкина в «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях.» Обращаясь к ветру, царевич Елисей говорит следующее:

(15) «Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.»

Он приписывает ветру человеческое чувство страха, при чём страха перед Богом, тем самым усиливая эффект одушевления.

**2.3 Некоторые примеры одушевления природы из русской литературы 19-го века**

Одушевление природы – это художественный приём, которые часто использовали классики русской литературы 19-го века.

(16) С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается <u>кротким румянцем</u>. Солнце – не огнистое, не раскаленное, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и <u>приветливо</u>-лучезарное ..

Тургенев, Записки охотника, Бежин луг

В примере (16) заря разливается *кротким румянцем*. И «кроткий», и «румянец» - это

слова, которые используются для описания характера и внешности человека, например, в таких словосочетаниях, как «кроткий человек», «румяный молодец», «румяные щёки» и т.д.

(17) Лазурь небесная смеётся,
Ночной омытая грозой
И между гор росисто вьётся
Долина светлой полосой

Ф.И. Тютчев. Утро в горах. (1829)

В стихотворении Тютчева лазурь небесная, иными словами небо, смеётся, как человек. Приём олицетворения использован для передачи ощущения автора.

**2.4 Об одушевлении природы в современном русском языке**

Природа живая также и в произведениях поэтов и писателей серебряного века, примеры одушевления природы можно найти и в современной литературе, и среди фразеологизмов повседневной речи. Певцом природы называют поэта Сергея Есенина.

(18) *Отговорила роща* золотая
Березовым, *веселым языком*,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Сергей Есенин «Отговорила роща золотая ...» (1924)

В современной русской речи употребимы такие фразы, как:

(19) Дождь плачет, стучит по крыше
(20) Солнце улыбается, ласкает лучами
(21) Природа сопереживает
(22) Ветер воет
(23) Ручей говорит
(24) Погода шепчет
(25) Природа проснулась с зарёю

Примеры (19) – (25) являются метафорическими оборотами, которые употребляются для передачи чувств говорящего, его восприятия природы.

Природа описывается не как среда, не через тактильные или иные ощущения человека, но как субъект действий и чувств, свойственных человеку. То есть мы наблюдаем именно одушевление, очеловечивание природных явлений, наделение их чувствами и волей. Это соотносится с мифологической картиной мира, которая сохранилась в языке в способах одушевления природы.

**3. Культурно-исторический контекст**

Для русского языка характерно прямое одушевление природы, для описания природных явлений употребимы не только глаголы действия, но и глаголы чувства и восприятия. Можно сказать, что в языковой картине мира присутствует элемент мифологического сознания или языческого мировоззрения. С другой стороны особенностью русского культурно-исторического развития является борьба с язычеством после принятия христианства, а в 20 веке - насаждение атеистической картины мира. Сегодня элементы традиционной культуры, в которой природа мыслилась живой, мы находим не только в языке, но в и праздниках, поговорках, поверьях. В этом разделе мы обратимся к элементам дохристианской культуры, сохранившимся до наших дней, поддерживавшим и формировавшим сегодняшнюю языковую картину мира.

**3.1 Язычество после принятия христианства**

Христианство было официально принято князем Владимиром и его дружиной из Византии в 988 году. Социальная сторона византийского христианства того времени была разработана, несомненно, значительно полнее, чем в языческих верованиях, кроме того, принятие христианства было политически необходимо Руси с точки зрения ее отношений с Византией. На части территорий христианство насаждалось силой, разрушались культовые сооружения язычников (Ловмянский 2003). Многие исследователи указывают на то, что в течение истории главной линией официальной церкви была борьба с язычеством в разных его проявлениях.

**3.1.1 Славянские боги и православные святые**

Русское православие унаследовало политеистические традиции славянского язычества, освоив множественный культ дохристианских божеств-покровителей. Они продолжали жить под внешним обликом и христианскими облачениями многочисленных святых православной церкви (Носова 1975).

Ниже мы приведем несколько примеров таких «двойников».

**Табл.1 Соответствие языческих божеств православным святым**

| Функция | Языческое божество | Православный святой | Функция |
|---|---|---|---|
| (молния) обожествлялись грозные природные стихии: гроза, молния, дождь | Перун | | |
| | Илья Пророк | Молитвы о дожде | |
| солнечные божества; солнце как оплодотворитель земли, как источник земного и человеческого плодородия | Сварог (свет ), Даждьбог (солнце, сын Сварога), Хорс, Ярила, Купала | Георгий (Егорий) | Плодородие |
| вода | Мокошь | Параскева Пятница | |
| бог животных | Велес | Власий, Георгий, Флор, Лавр | покровители скотоводства |
| море | Посейдон | Николай Чудотворец (Угодник) | Спасает на море. (Николай Мокрый) Далее распространение функций как вообще «защитника», в частности, «защитника земледельцев» |

Древние славянские боги – покровители различных областей человеческой деятельности, божества плодородия, управители природы, боги-целители и защитники продолжали свое существование под именами святых. Многие из славянских божеств были забыты, но продолжал работать принцип политеизма, и за образами святых закреплялись конкретные функции. Носова (1975) указывает, что

> «Во многих губерниях дореволюционной России распространялись сказания и справочники, в которых распределялись «служебные обязанности» между святыми, конкретно указывалась специализация того или иного святого угодника. » (Носова 1975: 90).

Другим примером проявления мифологического сознания является культ Богородицы. Как указывают ряд исследователей (Носова 1975, Мильков 1999), в образе Богородицы олицетворялась земля, земное плодородие и плодородящее начало в целом. Они заместили аналогичные женские персонажи дохристианской религии. На некоторых иконах она изображалась с цветами в руках («Благоуханный цвет», «Неувядаемый цвет»). Известна

также и икона Богородицы «Спорительница хлебов». Она создана в 1890 по замыслу Амвросия Оптинского. Преподобный Амвросий заказал эту икону в голодный для Центральной России год, дал ей название, указывающее на особое предназначение образа для моления о хлебе насущном, и установил день ее празднования (15 октября) после уборки урожая. Богородица изображена сидящей на облаках, внизу поле и скошенные снопы пшеницы.

> «Богородичные праздники в быту крестьянства были связаны с определенными этапами сельскохозяйственных работ: освящением семян (благовещение - 25 марта), окончанием жатвы «должниками» (успение – 25 августа), завершением уборки урожая (Казанская осенняя – 22 октября, покров – 1 октября). Особенно часто к богородице обращались в переломные месяцы в борьбе за урожай (Казанская летняя – 8 июля и д.р.) » (Носова 1975: 91-91).

До прихода христианства пантеон славянских богов был иерархичен – высший бог, отец природы, и второстепенные божества.

> «Из летописи нашего Нестора видно, что славянские русские имели понятие о едином верховном существе, которого по преимуществу называли Богом, и отличали его от Перуна, главного из второстепенных божеств» (Костомаров 1995: 5)

Можно предположить, что сквозь призму этой иерархии народное сознание понимало православие. Почитая Бога Творца, с конкретными молитвами обращались к множественным святым.

**3.1.2 Особенности обрядового комплекса**

Христианские праздники совпадали с циклом и сроками крестьянского календаря, что обеспечивало возможность совмещения их с церковной обрядностью. Основные тенденции и причины сохранения языческих верований с точки зрения обрядности у Наговицина (2005) приведены следующим образом:

> «Циклы постоянного возрождения природы, биологической и социальной жизни коллектива (рода, общины) в представлении язычников были взаимосвязаны. Поэтому «календарные» сельскохозяйственные праздники включали также «семейные» торжества – свадебные обряды, пиршества и т.п. Язычество было вытеснено официальной религией в область народной культуры: соблюдение христианской обрядности (церковные службы, посты и т.п. ) сочеталось с общинным отправлением аграрных культов, участием в пирах и игрищах, с которыми боролись

> средневековые церковники, объявлявшие также языческими и различные формы искусства и народного творчества. С другой стороны, церковь включила в число христианских главные языческие праздники, чтобы подчинить своему влиянию главные общинные культы (например, Масленица). Сложившееся таким образом «двоеверие» сохранялось до начала XX в.» (Наговицын 2005: 9-10)

Святки, Масленица, Троица, будучи официальными церковными праздниками, наполнены были гаданиями, магическими обрядами, очень четко показывая связь с языческими культами. Носова (1975) отмечает, что

> «На святки, масленицу, троицу и другие праздники в деревнях и селах центральной и юго-западной России изготовляли из соломы куклу, одевали ее в женскую одежду, возили по селу, а потом сжигали, топили в реке, уничтожали каким-либо другим способом. Эти обряды, являвшиеся разновидностью культа умирающего и воскресающего божества растительности, согласно народным религиозным представлениям, должны были способствовать возрождению природы, воздействовать на урожай, увеличение богатства.» (Носова 1975:92)

**3.2 Церковь и язычество в советский период**

Язычество отобразилось в православной обрядовости, в политеизации поклонения святым православной церкви, и в такой форме продолжало существовать в царской России.

Приход к власти большевиков ознаменовал начало эпохи антирелигиозной пропаганды и гонений на церковь и всяческие проявления религиозности. Согласно марксизму-ленинизму религия должна полностью исчезнуть в ходе естественного развития общества. В случае же, если этот «естественный» процесс не наблюдался, властями принимался широкий спектр мер от антирелигиозной пропаганды до разрушения церквей. Пожалуй, наиболее сложными для верующего населения и церкви был послереволюционный период и 20-е годы.

Декретом от 23 января 1918 года православная церковь была лишена статуса юридического лица, права владеть собственностью и обучать религии в школах. Эти права были возвращены в ходе горбачевской перестройки (Petra Ramet, Sabrina 1993).

20-годы были отмечены антирелигиозным террором, разгромом и разграблением церквей.

Во время войны Сталин ослабляет антицерковную политику и пытается использовать православность для объединения нации и поднятия национального духа, а после войны для влияния на Балканском полуострове (Walters, Philip 1993).

За послаблением последовало ужесточение антирелигиозной политики.

В течение всего советского периода проводилась антирелигиозная пропаганда. Руководители партии понимали, что уничтожение церквей не уничтожит веру, и очень важное место отводилось атеистическому образованию и пропаганде. Так исследовательская работа Носовой начинается определением целей и задач:

> «От знания того, как взаимодействовало обыденное религиозное сознание с церковной идеологией, как официальное вероучение и народные верования и культ трансформировались и эволюционировали в ходе истории, в каком виде существуют пережитки религиозного синкретизма сегодня, зависит выработка научных методов преодоления религии, успех атеистического воспитания масс. » (Носова 1975: 3)

В постсоветский период мы наблюдаем возрождение церкви, интерес к русским народным и православным традициям.

**4. В заключение**

Мы провели общий обзор развития верований, связанных с мифологической картиной мира. В процессе сохранения языческих элементов культуры большое значение имели слияние объектов поклонения местной и новой религий, то есть перенос на православных святых функций языческих богов, и сохранность старого обрядового комплекса, связанного с бытовыми и хозяйственными ритуалами.

Под влиянием запрета на языческих богов шел процесс конкретизации православных святых, некоторая политеизация православия в народном его восприятии.

В отношении древнего ритуала наблюдалось слияние его с православным, формирование русского православия с языческими элементам. Таким образом, сохранялось дохристианское мировоззрение, отображением которого в языковой культуре мира можно считать особенности персонификации природы, прямой перенос на природные явления действий и чувств человека, возможность употребления большого перечня одинаковых лексем.

**Список литературы**

Алефиренко, М.Ф., Золотых, Л.Г. 2008. *Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики.* Москва: Элпис.

Аникин, В.П., Толстой, А.Н. и др. 2017. *Русские народные сказки.* Москва: АСТ.

Афанасьев, А.Н. 1984-1985. *Русские народные сказки.* т. 1-3. Москва: Наука.

Грицанов, А. А. (сост.) 2003. *Новейший философский словарь*. Минск: Книжный дом.

Даль, В.И. 1998. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 Т*. Москва: Русский язык.

Есенин, С. 2013. *Отговорила роща золотая.* Санкт-Петербург: Лениздат.

Костомарав, Н.И. 1995. *Славянская мифология.* Москва: Чарли.

Лихачёв, Д.С. (перевод и примечания ) 2017. *Слово о полку Игореве.* Москва: Эксмо, с. 35-68.

Ловмянский, Г. 2003. *Религия славян и её упадок.* Санкт-Петербург: Академический проект.

Лосев, А.Ф. 1991. *Философия, мифология, культура.* Москва: Политиздат.

Мильков, В.В. 1999. *Древнерусские апокрифы.* Санкт-Петербург: Издательство РХГИ.

Наговицын, А.Е. 2005. *Древние цивилизации: общая теория мифа.* Москва: Академический проект.

Носова, Г.А. 1975. *Язычество в православии.* Москва: Наука.

Пушкин, А.С. 2005. *Сказки. Руслан и Людмила*. Москва: Эксмо.

Стругацкий, А.Н, Стругацкий, Б.Н, Тарковский, А.А. 1979. *Сталкер. Литературная запись кинофильма.* https://www.e-reading.club/book.php?book=1010386

Тургенев, И. С. 1979. *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах.* Т. 3. Москва: Наука.

Тютчев, *Ф.И.* 2002. *Том 1. Стихотворения 1813-1849*. Москва: Издательский центр «Классика».

Petra Ramet, Sabrina. 1993. «Religious policy in the era of Gorbachev». In Petra Ramet, Sabrina (ed.) *Religious policy in the Soviet Union.* Cambridge university press.

Walters, Philip. 1993. «A survey of Soviet religious policy». In Sabrina Petra Ramet (ed.) *Religious policy in the Soviet Union*. Cambridge university press.